

Владимир Свержин

Малиновка под колпаком

*Часть сборника
Русская фантастика 2015*

Владимир Свержин
Малиновка под колпаком

«Владимир Свержин»

2015

Свержин В.

Малиновка под колпаком / В. Свержин — «Владимир Свержин»,
2015

«Это случилось в тот год, когда добрый наш король Ричард, возвращаясь из крестового похода, угодил в силки гнусного выродка, императора, чтоб ему в аду черти раскаленными вертелами всю задницу исполосовали. Ветер тихо подвывал в каминной трубе, точно жалуясь, что, кроме ароматного дыма, ему ничегошеньки не досталось от господского ужина...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Владимир Свержин

Малиновка под колпаком

Баллада в прозе

*Пью от души теперь я
За гусиные серые перья
И за родичу серых гусей.
(Старая английская песня)*

Голос, ровный и сладкозвучный, выводил, заглушая стоны лютни:

Но даже если по душе
Придется мне твой двор,
Вернусь охотиться в леса,
Как делал до сих пор.

– Да, – послышалось из темного угла корчмы, тонувшего во мраке, как в паутине. С белой половины казалось, будто паук чудом заговорил. – Так пел старый плут Алан-э-Дейл, мир праху его. Но только полный дурень поверит этим слащавым рассказням.

– Дурень? – с интересом переспросил молодой рыцарь, дотоле внимавший вдохновенному певцу. – Я не ослышался?

– Можно сказать и грубее, но к чему попусту осквернять рот бранью, особо же в канун дня Святой Девы Марии, которой так преданно служил добрый Робин Гуд? Да и к чему? Алан, в сущности, был славный малый.

– Эй, кто бы ты ни был, там, в углу! Ты говоришь так, будто что-то знаешь. Так расскажи нам, что тебе известно, – потребовал рыцарь. – Я и мой спутник, – он кивнул на сидевшего рядом менестреля, немало раздосадованного нелестным отзывом о своей песне, – будем рады послушать.

– Ну, раз вы просите... – вновь донеслось из полумрака, – расскажу. Все равно за дверью ливень, и ветрюга завывает, точно голодный волк! Сам Господь в такую погоду не выгнал бы наших общих прародителей из райского сада. Только ж велите подать мне пинту доброго эля, и вы узнаете всю правду.

– Кого вы слушаете?! – возмутился трактирщик, ставя на господский стол зажаренного поросенка с яблоком во рту. – Этот старый болтун такого наплетет...

– Эй-эй, поосторожней, тухлая кочерыжка! Мне и теперь хватит сил расквасить свиной окорок, что ты именуешь харей! И эль мне твой не нужен. Эта моча чумного мула, в которую ты к тому же плюешь своей ядовитой слюной! Я расскажу все и так, потому что я был там, видел своими глазами и слышал вот этими ушами!

Это случилось в тот год, когда добрый наш король Ричард, возвращаясь из крестового похода, угодил в силки гнусного выродка, императора, чтоб ему в аду черти раскаленными вертелами всю задницу исполосовали.

Ветер тихо подвывал в каминной трубе, точно жалуясь, что, кроме ароматного дыма, ему ничегошеньки не досталось от господского ужина.

– Милорд, – слуга высокородного шерифа Ноттингемского склонил голову, – к вам сэръ Роберт Локсли.

– Зови его скорей, заждался уж. – Шериф прервал чтение и презрительно отбросил в сторону пергамент.

Молодой рыцарь, невысокий, легкий в движениях, не в силах сдержать бьющую через край силу, влетел в комнату, раскрыв объятия хозяину замка.

– Приветствую вас, Робин, – барон Фитц-Уолтер вышел из-за стола ему навстречу.

– Как поживает моя дорогая невеста?

– Твоими молитвами, леди Мэриан в добром здравии. Сейчас уже поздно, но завтра утром непременно увидите. Пока тебя не было, каждый день допытывалась: спокойна ли погода на море и нет ли вестей из Аквитании? Вся извелась в ожидании.

– Я привез ей из Франции ромейского атласа, надеюсь порадовать мою прекрасную госпожу.

Шериф покачал головой:

– Сами знаете, Мэриан выросла в суровой простоте. Даже там, на Востоке, в Иерусалимском королевстве, она не видела роскоши. У куртин Сен-Жан д'Акра мы вполне обходились полотняными шатрами, пили воду из вонючих бурдюков, ели конину. К добру или нет, с мечом и луком дочь обращается лучше, чем с пальцами и иглой.

– Прекрасной даме приличествуют богатые наряды, – улыбнулся рыцарь.

– Ты, должно быть, забыл, сколько золота должен аббатству Святой Марии?

Роберт с улыбкой отмахнулся:

– Монетой больше, монетой меньше. Аббат мне родич, не станет же он разорять племянника, пусть даже и двоюродного.

– Зря ты так думаешь, – укоризненно покачал головой лорд и, вернувшись к столу, стал рыться в куче свитков. – Полюбопытствуй. Это прошение твоего непомерно дорогого родича о взыскании долга, либо передаче ему земельных владений рода Локсли, ежели, паче чаяния, должник не сможет уплатить. Вот так-то! – Шериф вручил гостю пергамент с печатью.

– Ах он, жирный ублюдок! Владения Локсли стоят раз в пять дороже! К тому же я брал деньги, чтобы снарядить в крестовый поход себя и отряд моих добрых йоменов. Разве я не был храбр на поле боя? Разве утратил стойкость в землях, которые Господь сотворил жаркими, точно печь для хлебов?! Если Он не дал мне вернуться с богатой добычей, то лишь к Нему преподобный может предъявлять свои богохульные претензии!

– Аббат считает иначе. – Барон Фитц-Уолтер покачал головой. – И закон – тоже. Как вы понимаете, я не желаю обездолить жениха моей дочери. Тем более мы столько раз спасали друг друга там, под стенами Акры, и при Арсуфе... Но, посудите сами, если я не дам ход прошению, чертов святоша отправит гонца ко двору принца Джона, а вы знаете, как тот жалуется бывших соратников любимого старшего брата.

– Это верно. – Лицо сэра Локсли помрачнело. – А денег нет...

– Можете мне об этом не рассказывать, – хмыкнул шериф. – Лучше скажите, что удалось разузнать у мадам Альенор.

Роберт подошел к камину и протянул руки к огню. В замке и в разгар майского дня было сыро, но сейчас он просто тянул время, не торопясь сообщить дурные вести.

– Говорите же! – потребовал старый воин.

– Мадам Альенор посылает вам с дочерью свое благословение, а также благодарит нас за попечение о судьбе Ричарда. Ее посланник совсем недавно вернулся из Аахена, где встречался с императором. Переговоры о выкупе нашего доброго короля были непростыми.

– Судя по вашим глазам, выкуп назначен изрядный.

Роберт опустил голову:

– Если бы мои глаза имели ноги, они бы разбежались в разные стороны, едва я услышал, сколько затребовал этот гнусный хорек, возомнивший себя орлом!

Шериф Ноттингема скривил губы:

– Н-да, у меня был вчера дурной сон. Я видел крысу, подгрызающую корни могучему дубу.

– Мадам Альенор делает все возможное, она разослала верных людей во все свои владения, повелела снимать даже золотую бахрому с балдахин. Она просит всех, кто остался предан королю, оказать помощь, ибо денег в ее казне все равно не хватит. Как говорится, даже самая красивая девушка Турени не может дать больше, чем может дать.

– Оставьте эти шутки для военного лагеря, – поморщился шериф. – Принц Джон, конечно, отказался помогать брату?

– Еще бы! – криво усмехнулся Локсли. – Более того, он прислал матери длинный список долговых обязательств Ричарда с вопросом, где ему взять денег, чтобы отбиться от заимодавцев, ибо те осаждают его дворец, как некогда даны осаждали Лондон. Так что, – Роберт положил ладонь на рукоять меча, – хоть отправляйся грабить на большую дорогу.

Дотоле мрачный, барон расхохотался весело, как, пожалуй, не смеялся с того дня, как ему доложили, что дочь, переодевшись мальчишкой, отходила посохом трех подвыпивших гуртовщиков, в недобрый час решивших поизмываться над пареньком.

– Много наразбойничаешь в наших лесах! – в конце концов, выдавил он, утирая выступившие из глаз слезы. – Вы не забыли, Роберт, наша дорога ведет или из Лондона в Шотландию, или из Шотландии в Лондон. С севера дикие горцы везут солонину и шерсть, с юга лондонские торгаши – сукно да вино. Остальное добирают в Йорке или Нортумбрии. К тому же у нас не главная дорога! Такую добычу хоть себе бери, хоть голытьбе раздавай – на петлю одинаково зарабатываешь.

– Да, глупая затея, – согласился Локсли. – Вот если бы они возили с собой звонкую монету... А то ведь – несколько шиллингов в дорогу, остальное – долговые расписки. В любом тамплиерском командорстве или в меняльной лавке, вроде той, что держит здесь еврей Шимон, их принимают в обмен на полновесное золото.

– Да, у этих-то золото имеется... – недовольно протянул шериф. – В любом случае, тамплиеров у нас здесь нет, а бедный Шимон, хоть и богат, как Крез, выжмет из тебя душу за каждый пенни. А трогать их, как ты сам знаешь, добрый король Ричард запретил.

– Это верно, – Роберт задумчиво кивнул. – Они изрядно потрянули мощной, снаряжая короля в Святую землю.

– Если вы прикидываете, что еще можно заложить, то выбросьте это из головы!

– Нет. – Рыцарь наморщил острый нос. – Я ломаю голову над тем, как сделать, чтобы сюда везли полновесное золото.

– Везли золото? – переспросил старый воин. – Зачем бы это кому-то понадобилось? Разве только скупать желуди для королевских свиней!

– У меня есть одна забавная идея. – Голос Локсли звучал негромко и вкрадчиво. – Но для этого мне нужна ваша помощь.

– Эй-эй, Роб, я знаю этот тон. Опять задумали какую-то выходку, как в тот раз, когда по водостоку забрались голым в эмирскую баню, распугали его гарем и чуть не свели с ума самого хозяина?

– Я вовсе не собирался сводить его с ума. Кто же виноват, что я не смог протиснуться в трубу в одежде и доспехе? Кто ж знал, что эмир примет меня за демона?! Надо было лучше чистить трубы! Главное, что он велел открыть ворота.

– Ладно-ладно, будто я не стоял рядом, когда ваши парни выломали решетку. Говорите, что вы там придумали.

– Если...

– Эй, старик! – Менестрель отхлебнул из кубка и со звоном поставил его на стол. – Ты говоришь так, словно был там.

– Так и есть, красавчик! – донесся из угла скрипучий насмешливый голос. – Все позабыли обо мне, а я и не напоминал. Стоял у двери с отрезом атласа в руках и помалкивал. Мне тогда

было всего четырнадцать лет от роду. Конечно, сейчас, глядя на старую развалину, тяжело представить, что когда-то и я был молод, но, уверяю вас, без этого не обошлось.

– Вот, наконец, хоть слово правды! – фыркнул корчмарь.

– А ты заткни свою пасть. Откуда тебе вообще знать, что такое правда?! Истинно говорят, что Люцифер слепил корчмарей из собственного дерьма!

– Э-э, старик, ты выбирай слова! – вспыхнул хозяин. – Сидишь под моей крышей, наворачиваешь мою же похлебку и меня же хаешь?!

– Ну, уж прости, что отобрал у твоих свиней немного жорева.

– А ну-ка, старый хрыч, выметайся-ка отсюда! В хлеву тебе самое место!

– Постой! – оборвал его молодой рыцарь. – Не обращай внимания. Вот тебе шиллинг, подай ему вина, да получше. Его рассказ заинтересовал меня.

– Но, милорд, – возмутился менестрель, – этот старик несет околесицу! Всякому известно...

– То, что известно всякому, не стоит и той похлебки, которой потчует меня этот скупердяй. Так что, если на то ваша воля, милорд, я продолжу.

...От крестьянского парня так благоухало навозом, что его в монастырский предел и пускать-то не хотели. Но как не пустить доброго католика, даже если он смердит на всю округу?

– Чего тебе? – закрывая нос ладонью, брезгливо сплюнул брат привратник.

– Мне бы отца настоятеля, – переминаясь с ноги на ногу, робко пробормотал безбородый пастух. – К его преподобию дело имеется. Важное, знаете ли, дело.

– Ступай домой, отмойся, потом уж приходи с делами, – отмахнулся страж. – Здесь святое место!

– Но это же насчет моего долга! – возмутился зловонный посетитель. – Я же отдать хотел! Он разжал ладонь, в ней блеснуло золото.

– Что это у тебя? – опешил монах, тут же забыв про мерзкий запах.

– Это монеты, – пряча золото, невпопад брякнул прихожанин. – Богом клянусь, я их не крал! Мне бы только узнать, примет ли их в уплату его преподобие, и за сколько шиллингов они пойдут. Я же только... Я же отдать!

Брат привратник отступил на пару шагов и, поймав за рукав сутаны проходящего мимо клирика, быстро зашептал ему на ухо:

– Ступай к отцу настоятелю, сообщи, что пришел Мач-дурачок, сын мельника, принес золото. По виду очень старое.

Смиранный брат кивнул, перебирая четки, и быстро засеменял в сторону личных покоев аббата монастыря Святой Девы Марии.

– Только ж передай, что он смердит, как выгребная яма! – вслед крикнул привратник. – А ты, парень, стой здесь и жди.

Настоятель кивнул и проговорил благостным тоном:

– Ступай, и впредь не грши. Пять раз прочтешь «Отче наш», десять раз «Верую» и столько же «Аве, Мария». – Он покинул исповедальню, величаво осенил крестным знамением вихрастого мальчугана и добавил: – Не забудь передать дяде, что до Петрова дня он должен мне кадку меда.

– Непременно передам, – склонился мальчуган.

– Ступай же. – Настоятель увидел приближающегося клирика.

– Ваше преподобие, брат привратник велел передать... – скороговоркой начал тот, понижая голос до шепота.

– Что ж, – после недолгого молчания вымолвил аббат. – Все мы, по сути, грязь и тлен. Пусть войдет.

– Я того, ваше преподобие, это, – кланяясь, точно заведенный, бормотал Мач, – я тут, это. Заплатить. А монеты, стало быть, какие-то, словом, не такие. И не знаю, так я, того... – Он вновь склонился и протянул святому отцу слегка потертый, не слишком круглый золотой.

– Это что же? – принимая лепту из рук пастуха, заинтересованно спросил аббат. И, увидев вычеканенный профиль, замер, часто моргая.

– Я должен-то двенадцать шиллингов, – напомнил простодушный сын мельника. – Вот, мне б, это, узнать, хватит ли?

– У тебя что же, есть еще такие монеты?

– Вот! – Крестьянин полез в поясную суму и продемонстрировал еще три блестящих кругляша.

– Это старые монеты, – величественно пояснил святоша, – ты должен понимать, Мач, очень старые.

– Так что же, и цены им вовсе нет? – всхлипнул сельский дурачок.

– Отчего ж, – утешил его настоятель, быстро сгребая золото с открытой ладони. – Всему на свете какая-то цена да имеется. Так и быть, я приму их, но ответь мне всю правду, сын мой, где ты взял эти монетки? И будь честен, как на исповеди.

– Я? Да... я, конечно! – засуетился Мач. – Второго дня, как обычно, стадо пас, а одна черная овца возьми, да и сбег, лихоманка ее побери! Прости меня господи, чего это я? – Он хлопнул себя ладонью по губам. – Ну, я того, искать ее пошел. Везде смотрел, а эта... – Он замялся, явно опуская крепкое словцо. – Ну, словом, хозяин бы меня поленом так отходил, – неделю бы на брюхе спал! Он ведь каков, у него нрав-то, ого, крутой! А ежели за бич возьмется, то и вовсе...

– Ты говорил о несчастной овце, сын мой, – требовательно напомнил аббат.

– Да-да, об этой несчастной твари, будь она неладна. Я все ноги сбил, пока искал! Уж стемнело вовсе, я сам чуть жив. Филин ухаёт, волки ему подвывают – уж думал, конец ей настал. Да и мне заодно! Иду, ну, это, шепчу: «Помилуй меня, господи». Вдруг чуть слышно: «Бе-е-е». – Пастух остановился, затем вновь заблеял, почти неотличимо от настоящего породистого барана. Судя по блаженной улыбке, процесс доставлял парню истинное удовольствие.

– Я понял, понял, – оборвал овечий концерт священнослужитель. – Что было дальше?

– А дальше-то что, – сконфуженный пастушонок испуганно поглядел на собеседника, – я, стало быть, на голос. Там камни большие, склон и дыра. Ну, и моя овечка из той дыры: «Бе-е, бе-е». – Он вновь увлеченно заблеял.

– Да хватит уже! – не выдержал аббат и перекрестился, раскаиваясь в собственном гневе. – Будь краток, Майкл, и не смей здесь бляеть. Тут божий дом, а не овчарня!

– Ой, я того, простите меня! И не сообразил как-то. Помилуй, боже, господь всемогущий, грешного раба твоего! – Позабыв о рассказе, крестьянин упал на колени перед распятием и стал широко креститься, шепча слова молитвы.

– Вернемся же к агнцу, сын мой, – морщась от зловония и непроходимой тупости невежды, потребовал настоятель.

– Я сейчас, уже скоро! – на миг отвлекаясь от слов молитвы, пообещал сын мельника. – Теперь Он не держит зла на меня? – косясь на священнослужителя, поинтересовался парень.

– Уверю тебя, больше не держит. Поднимайся. Ты рассказывал о найденной овце. Продолжай, я слушаю.

– Ну да, – обрадованно заговорил Мач. – У меня, стало быть, фонарь был. А от свечи уж и остался-то всего огарочек, малюсенький. Ну, я того, думаю, как догорит, совсем темень будет, хоть глаз коли. А в дыру все же полез. Ох, и натерпелся страху!

– А что овца? – перебил настоятель.

– Овца – не знаю. Но, это, по всему видать, тоже не сладко ей пришлось. Обделалась изрядно и бляяла так жалобно: «Бе-е», – начал было сын мельника.

– Ладно, оставь овцу...

– Да как же оставь?! Мне, того, без нее на глаза хозяину – краше в омут!

– Хорошо, – сквозь зубы процедил настоятель. – Я так понимаю, ты спас ее. Одобряю, сын мой. Но откуда взялись монеты?

– А я что ж, не сказал? – Пастух захлопал глазами. – Вот же ж дурья башка... Это я потому такой дурень, что в детстве...

– Ответствуй, сын мой, где ты взял монеты?!

– Так ведь там же и взял.

– Где «там»? – Глаз аббата стал нервно подергиваться.

– Ну, это, где овца бляяла. Я как полез, камень отвалился, а под камнем они, значит, и были.

– И ты, стало быть, забрал оттуда все?

– Да не, что вы! – отмахнулся Мач. – Куда ж мне столько-то? Там и монеты, и блестящее разное было. Я б столько не унес...

– Такие монеты? – уже куда мягче поинтересовался служитель Господа.

– Ага, такие же, вот столько! – Крестьянин широко раскинул руки. – Я и подумал, может, тот, кто спрятал, не заметит, если я эти монетки возьму. Мне ж только долг уплатить. Может, Господь послал их мне за спасение бедной овечки, она ж там так жалобно: «Бе-е», – пролепетал сельский дурачок, хлопая глазами. – Я ж ни-ни, вы не подумайте...

– Хорошо, сын мой, хорошо. Я верю, что ты не нарушал заповеди «Не укради». Однако ж скажи, где находится то место, в которое столь неосторожно забрела твоя овца?

– Так разве ж она моя? Это ж кучерова... – начал было сын мельника.

– Скажи, и я обещаю, что у тебя будет не одна, а целых три овцы.

– Эх! – на глазах пастуха выступили слезы. – Кабы я знал... Но, это, брел я наугад, ночь была, ну вот, не светлее вашей сутаны. Если б овечка не говорила «бе-е», – он захлопал себе ладонью по губам, – то и не сыскал бы. А потом, того, свеча и вовсе погасла. Обрато мы плутали так, что думал, либо окажемся в волчьей пасти, либо ж выйдем где-нибудь в Дербишире. Одно могу сказать, неподалеку все дело было. Стадо-то, того, общинное, разве ж далеко погонишь? Ну а под утро, слава Господу всеблагому и милосердному, к селению на собачий лай живехонек и целехонек вышел. И овечка, стало быть, со мной, и так радостно... – Мач открыл было рот, чтобы заблехать, но аббат успел первым.

– Благодарю тебя, сын мой. Ступай с миром.

– Так, стало быть, я ничего уже не должен монастырю?

– Ничего, – святой отец перекрестил деревенского пастуха. – Ступай.

Выслушав доклад, шериф Ноттингемский поглядел на сэра Роберта.

– Ваш дядюшка заглотив наживку.

– Я готов был поставить обрванный шиллинг против булатного меча, что так и будет. У моего дорогого родича при виде золота мозги отшибает, точно от удара палицей. Готов поклясться, этот упырь отобрал у Мача все монеты до единой. Хотя в прежние времена каждая из них стоила по 32 серебряных пенни!

– Но откуда у вас это золото?

– Еще до похода углубляли ров вокруг Локсли и нашли монеты и кое-какие украшения. Хранил на черный день. Некоторая польза от находки была уже тогда: ров получился в полтора раза глубже и в два раза шире. – Роберт засмеялся. – Вот черный день и настал.

– Что ж, держу пари, аббат запретил своему клиру упоминать о посещении Мача, и тем более о золоте. Но тут зуда не унять – очень скоро весть разлетится по всей Англии. Остались

кое-какие мелочи. Но с ними мой капеллан справится без труда. Главное, дорогой друг, вы не оплошайте.

– Это уж можете не сомневаться, – усмехнулся Фитц-Уолтер. – Но вам бы стоило подобрать какое-нибудь звонкое прозвание. Не станете же вы орудовать в Шервудских чащобах, как доблестный сэр Роберт Локсли.

– Это верно. Что, если Робин¹ Свирепый?

Шериф покачал головой.

– По-моему, глупее не придумаешь. Свирепая малиновка. А вот... – Он на мгновение задумался. – По-моему, недурно. Здесь, на севере королевства, «грабеж на лесной дороге» звучит как «роб ин худ». А имя могло бы звучать так: Робин Худ.

– И это ваша хорошая мысль?! Что ж получится: «малиновка в капюшоне», или «малиновка под колпаком»?!

– Звучит интригующе. Если вы еще прикажете своим парням носить капюшоны, оно и практичнее будет.

– Нет, Фитц, уж лучше я буду славным Робинотом – Робин Гудом.

– Гуд, Худ... А капюшон не помешает. – Он подозвал юного оруженосца и дал ему знак наполнить кубки. – За новоокрещенного!

... Корчмарь со стуком поставил на стол глиняную чашку и, внутренне негодуя против столь расточительного обращения с добрым вином, стал ее наполнять.

– И вы ему верите, сэр рыцарь?! – еле сдерживая злость, проговорил он. – Ну откуда, спрашивается, ему знать, о чем говорил настоятель аббатства Святой Девы Марии с дурачком Мачем, и о беседе, страшно подумать, Робин Гуда с шерифом Ноттингемским?!

– Ха! Ты, кладбище недожаренных бифштексов! Конечно, тебе страшно подумать, ты отродясь боялся использовать голову по прямому назначению. Так и помрешь болваном. Ну, да бог с тобой. А я одно скажу – аббат того меда к Петрову дню так и не дождался, – из угла послышались громкие жадные глотки. Чаша быстро опустела, и вслед за этим властный старческий голос потребовал: – Лей!

– Ну что ж, милорд, я продолжаю...

... Благочестивый брат был столь широк в плечах, что при беглом взгляде не сразу бросилось в глаза, насколько он высок ростом. Закончив оттачивать перо, монах протянул его сидевшему рядом юнцу и пробасил громогласно:

– Пиши: «Ave, Maria, gratia plena».

Подросток окунул перо в чернильницу, стяхнул повисшую на острие каплю и вдруг остановился, точно пронзенный внезапной мыслью.

– Дозволено ли мне будет задать вопрос, святой отец?

– Задавай, сын мой, но помни, что всякое пустословие безвозвратно похищает время, отпущенное нам Господом для занятий вещами богоугодными и полезными, – брат Тук оглянулся, ища взглядом кабатчика. – Эй, старый пень, где мальвазия?!

– Сейчас-сейчас, уже несу! – раздалось из противоположного угла трактира.

– Давай-ка побыстрей, если не хочешь, чтоб я выдернул твои ноги и скормил их свиньям!

– Так о чем это мы? – Он повернулся к ученику, юному и прелестному, как ангел, впервые слетевший из облачной выси на грешную земную твердь. – Ах да, латынь! Вот что я тебе скажу: это величайший из всех языков. На нем, как известно, написаны священные тексты Библии, и цезари, повелевавшие миром, в том числе и нашей родной Британией, также говорили на

¹ Р о б и н (англ.) – малиновка. Малиновка считалась божьей птичкой, вестницей пасхи – Воскресения Христова. Ей приписывали способность волшебным образом появляться и исчезать.

нем. А что мы видим сейчас? У нас на севере говорят по-одному, на юге, скажем, в Лондоне – по-другому. Шотландец валлийца с трудом понимает, а уж если из Франции кто приплывет, так вовсе по голубиному воркует, точно у него и зубов-то нет. Или вот, к примеру, возьми ирландца...

– Но я же только хотел задать вопрос! – в отчаянии взмолился отрок.

– Разве я не отвечаю на него?

– Но ведь я еще его не задал!

– Велика ли в том беда? – отмахнулся монах. – Ты что, написал уже «Ave, Maria»?

– Нет, я слушал вас.

– Это верно, ибо послушать человека, умудренного жизнью, – почти то же, что самому прожить эту жизнь. Если, конечно, тут, – монах постучал себя в лоб пальцем, напоминаям корневнице дуба, – не пустой чердак. – Он милостиво кивнул трактирщику, выставившему на стол пару жареных перепелок, флягу мальвазии и глиняную кружку. – Но вопрошай же, наконец, сколько тебя можно ждать?! – Брат Тук хлопнул флягу по днющу, и пробка, выскочив из горлышка, пролетела ползала.

– Мой дядя платит вам деньги за обучение, однако разве место для звучной латыни, а тем более священных текстов в этом вертепе грешных мирских удовольствий? – осторожно спросил ученик.

– Пытливость делает тебе честь, – опрокидывая вино в глотку и прислушиваясь, как стекает оно в объемистое чрево, кивнул учитель. – Однако глупость тут же лишает ее. Запомни, сын мой, познания твои не будут совершенными, если станут зависеть от непогоды, дурной еды или от того, что воздух напоен винными парами, а вокруг смеются шальные девицы. Кстати, вон та, рыженькая, очень даже ничего. Ну-ка, иди ко мне, голубка. Что же касается монет, то всякому Господь их дает уж точно не для того, чтобы копить и любоваться, но с единственной целью – пускать в дело. – Он притянул к себе девицу и прервал речь смачным поцелуем. – Что, как видишь, я и делаю, – наконец вернув свое внимание ученику, объявил он. – Милость Господа беспредельна! Уясни это, вступая в жизнь. Следование этой истине наполнит годы твои радостью, а иногда – и блаженством.

Вот, к примеру, Мач, сын деревенского мельника, задолжавший аббатству Святой Девы Марии несколько шиллингов, в ответ на свои мольбы намеренно обнаружил кучу золота. Вот такенную кучу, – монах раскинул могучие руки, казалось, они без труда охватят стол. Юнец привычно уклонился, продолжая внимать рассказу наставника, – но, будучи смиренным христианином и человеком не бог весть какого ума, пастушок взял лишь несколько золотых, дабы оплатить недоимку.

– Это что же – правда?! – раздалось неподалеку.

– Так, милая, вот тебе монетка и ступай, давай беги быстрее, тут сейчас будет скользко. – Брат Тук грохнул кулаком об стол, и чернильница подпрыгнула так, что ловкий мальчуган едва успел поймать ее на лету. – У меня что-то со слухом или кто-то осмелился предположить, что благочестивейший причетник часовни Святого Дунстана в Компенхерсте – грязный лгун? А ну, кто это сказал? Пусть несет свою бестолковую башку прямо сюда! Сам прибью, сам и отпою!

– Прошу извинить меня, благочестивейший причетник, – вновь послышалось из зала, и к столу подошел изящный юноша в богатой, хотя и несколько поношенной одежде, с лютней за плечами. – Меня зовут Алан, Алан-э-Дейл. Я еще вчера услышал этот рассказ. Признаться, я подумал, что в нем есть, – менестрель замялся, – некоторое преувеличение. Поверьте, я вовсе не хотел вас обидеть. – Он подозвал трактирщика и указал на стол. – Вот это все за мой счет.

– Ты славный парень! – Ладонь монаха опустилась на плечо юноши, впечатывая его в скамью напротив. – Ладно, сиди и слушай, я поведаю тебе все, как есть. Я своими глазами видел это золото, и знаешь, что я тебе скажу, это монеты короля Оффы, их в прежние времена называли «монкузы».

– Король Оффа? – Алан-э-Дейл наморщил лоб. – Но это же, – он стал загибать пальцы, – без малого четыреста лет тому назад.

– А может, и сверх того, – подтвердил брат Тук. – Я вот что думаю. Времена тогда были лихие, не в пример нынешним. Король Оффа воевал то здесь, то там, то в Уэссексе, то в Кенте, а то и вовсе с валлийцами, вот и решил припрятать где-нибудь в тихом месте часть трофеев. А ну, вдруг придется бежать из столицы. Казну, поди, в шляпу не спрячешь. – Голос монаха звучал, подобно колоколу. Казалось, он пытается докричаться не до сидящего напротив слушателя, а до самого дальнего угла обширного зала. Все притихли, прислушиваясь к его речам.

– А там место укромное, неприметное. Замка тогда еще в помине не было – стало быть, кто ни попадя не шастал. Вдруг что, с такими деньжищами целое войско нанять можно. Да так король и помер, к тайнику не вернулся, и, видать, никому о нем не рассказал. Вот и лежит золото где-то тут, почитай, что под ногами, и ждет заветного часа. Авось Господь, в несказанной милости своей, кому-то его и дарует. Уяснил?

– Конечно. – Менестрель снял с плеча лютню и начал что-то наигрывать, подбирая слова и складывая из них строки.

– Святой отец, – вмешался мальчишка, – я уже написал «Ave Maria, gratia plena», что дальше делать?

– Воздержись от нелепых вопросов. «Dominus tecum» пиши.

– Ну кто же, какой недоумок будет кричать в трактире о золоте?! – хмыкнул недовольный, однако заинтересованный рассказом корчмарь. – Поверьте, господин рыцарь, я вот уже двадцать лет владею «Королевским оленем», так на моей памяти ни одна с... – запнулся трактирщик, но тут же нашелся, – ни один свободный человек о золоте даже не обмолвился.

– Это потому, что, глядя на тебя, вспоминаешь не о золоте, а о золотаре.

– Но-но! – оскорбился хозяин.

– Продолжай! – привычно пресек новую склоку молодой рыцарь.

– Как будет угодно, – донесся голос из угла. – Расскажу, пожалуй, как принц Джон помог замыслу Робин Гуда.

Шериф Ноттингемский сидел на высоком резном стуле с подлокотниками, грея руки у огня.

– Вы звали меня, – послышалось за его спиной, – мессир барон? Я здесь. Хотя, признаться, ваш мальчик несказанно удивил меня, потребовав идти немедленно, не дожидаясь утра. Я ж не любовник, а вы не девица.

– Не сердись на него, Шимон. Так я ему повелел.

– Но что такого может случиться этой ночью, что дело такое безотлагательное? – проворчал гость, забирая в кулак длинную, некогда черную, а теперь почти совсем седую бороду.

– Сколько лет ты живешь в Ноттингеме, Шимон? – поворачиваясь к посетителю, спросил хозяин замка.

– Без малого двадцать, – ответил тот, продолжая стоять. – Надеюсь, однако, что не этот интерес заставил вашу милость поднять меня с постели.

– Ты прав, – кивнул барон Фитц-Уолтер. – Мой интерес совсем иного свойства.

– Если вы подняли бедного Шимона, чтобы рассказать, как вам нужны деньги... – с затаенной обидой начал тот, – может, тогда уж назовете мне тех, кому они не нужны?!

– Таких полное кладбище, – резко оборвал его шериф. – Сейчас речь не о том.

– Горе тебе, бедный Шимон! Что за ужасы посреди ночи? К чему вы обмолвились о кладбище? Надеюсь, родные и близкие вашей милости живы и в добром здравии?

– Вполне. И, поверь, того же и тебе желаю.

– Просто теряюсь в догадках! Не говорите, что вы сели почитать на сон грядущий Ветхий Завет и что-то там недопоняли...

– В этом случае я бы дождался утра.

– Вы меня уже пугаете, – вот теперь меняла и впрямь насторожился.

– Я хотел поговорить об услуге, – начал шериф, – о важной услуге, однако необходимо, чтобы все, сказанное здесь, осталось между нами. Как, собственно, и твой ночной визит.

– Что, даже моя Рахиль не должна знать об этом? Но что она скажет? Ее муж подхватился ночью, будто шершень ужалил его туда, где у некоторых хранится мозг, и ускакал во тьму, словно юный жеребенок. Она вырвет мне бороду, она решит, что я таскался по девкам!

– Ты, Шимон, таскался по девкам? – усмехнулся барон.

– Да, бедному Шимону остается только таскаться, потому что бегать к ним он уже давно не может. Но и пока мог, был занят совсем другим, – печально развел руками ноттингемский ростовщик. – Но вы что-то говорили об услуге? Сколько на этот раз? – Вся скорбь еврейского народа обозначилась в больших темных глазах ночного гостя.

– Я же сказал: речь не идет о деньгах. Хотя ты мне напомнил. Сколько я тебе должен?

– Десять золотых фунтов и, поверьте, это очень полновесные фунты, очень большие деньги для бедного Шимона.

– Я верю, – кивнул хозяин замка, – мы же всегда ладили.

– Ой, вы даже не представляете, как я вам за это благодарен. Я прошел ночью через весь город только для того, чтоб вам это сказать!

– Рад, что ты это понимаешь, – милостиво кивнул барон Фитц-Уолтер. – Но давай на время забудем о деньгах.

– Ха! Я что, уже при смерти?

– Нет, ты при голове и, надеюсь, именно в ней хранишь свои мозги. – Шериф поднял руку и поманил стоявшего подле стола отрока. – Принеси сегодняшний указ.

Тот молча поклонился и взял со стола цилиндрический футляр, обтянутый тисненой кожей. И, не открывая, с поклоном подал королевскому чиновнику.

– Завтра утром глашатай прочтет его на рыночной площади. А затем в сопровождении солдат явится к тебе в лавку.

– Но что я такого сделал? – Шимон мгновенно подобрался. – Я всегда был самым верным из всех англичан.

– Разве кто-то подозревает тебя в измене? Нет, – с показным безразличием ответил хозяин замка. – Скоро у тебя появится возможность доказать это. Кстати, принц Джон также считает тебя вернейшим из англичан. Вот, прочти и убедись.

Он достал из футляра пергамент и протянул меняле. Тот углубился в чтение.

– О, горе мне, что я вижу?! Да где ж такое слыхано! Что такое «безвозмездный дар»? Что такого подарил мне принц Джон, чтоб я так ему отдаривался?! Пятьдесят серебряных марок – это что, шутка?! Так с такими шутками никакого сердца не хватит! Я совсем разорюсь!

– Ты не дочитал, Шимон, – откликнулся шериф. – Там ниже говорится, что ты можешь сдать серебро в трехмесячный срок, но каждый новый день после оглашения указа обойдется тебе ровно в одну марку. То есть через три месяца ты должен будешь казне сто сорок серебряных марок.

– Ой, горе мне, – прошептал Шимон. – Бедный я, бедный.

– Принц Джон собирает войска, – пояснил шериф. – Войска требуют денег. И потому он приказывает всем евреям королевства в знак дружественного к нему расположения и, конечно, для укрепления его дружественного расположения к ним выплатить обозначенные в указе суммы.

– Но это же огромные деньги! – пробормотал ростовщик, нервно сворачивая пергамент и теребя печать длинными, тонкими пальцами. – Вон мельник, у которого еще скот и земля, и сыновей полон дом, чтобы управляться с хозяйством, и тот имеет в год всего сорок марок.

– Так и есть.

– А я? Что у меня? Я и Рахиль, маленькая лавка в не самом богатом, да простит мне эти слова господин шериф, Ноттингеме. Из скота – лишь мыши под полом. Но от них одни убытки. Я понимаю, когда б мимо нас шла главная дорога с севера на юг и с юга на север, было бы о чем говорить. Но нет, Богу то было не угодно. Ему было угодно проложить ее через Барнсдейлский лес. А то, что он устроил здесь, в Шервуде, – так, тропа для пьяных гуртовщиков.

– Мне понятны твои стенания, Шимон. – Королевский чиновник поднялся с кресла. – Но и ты пойми меня. Такова воля наместника. Я обязан надзирать за ее беспрекословным исполнением. Кстати, там дальше в указе говорится, что если кто-либо из вашей братии не пришлет этот дружеский дар, он будет признан врагом, лишен всего имущества и выслан из королевства на все четыре стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.